

— **МОДА** — это имидж, по одежде мы узнаем друг друга. Когда-то у нас был лозунг: «Вышибить крест из-под жирного зада обывателя!». Я своим ребятам делал костюмы, в которых их задерживала милиция или на них бросались фашистизированные подростки, — и это приносило мне законную гордость, большую, чем аплодисменты на демонстрациях мод...

Мне 29 лет, живу с матерью, личную жизнь никак не устрою — может, потому что у меня слишком высокие требования,

что мы первое предприятие, создавшее свой театр моды — и в то же время самое бесправное. Куча кооперативов и частных художников давно создали совместные предприятия с инофирмами, а мы связаны с таким монстром, как «Главмосбыт» — эта система поглощает всю прибыль, и через нее очень трудно выйти на контакты. Помогает только директор дома — отец, у него личные контакты. Мы похожи на художника, который работает истопником, хотя может одновременно выставлять свои картины. Денег

найти не только в Союзе, но вообще в обозримом пространстве. Для меня школа — и его отношение к работе, и его фанатизм. Хотя у меня совсем другие заказчики. У него — стиль деловой женщины от 35 до 50, основа — классика, он любит повторять: «Классика — убежище женщины с безупречным вкусом». А мне дал на откуп молодежное направление. Не люблю я называть себя авангардистом: «авангард» — пережеванное слово: с одной стороны — авангардисты еще недавно представляли из себя псевдомучеников,

— Нет. Работа, бытовые проблемы... Ставлюсь почаще ходить на концерты. Выставки, театры меня меньше волнуют, рок-концерты, прокуренные комнаты, где мы общаемся, — это та среда, для которой я работаю и где рождаются идеи. Часть времени отнимают спорт (занимаюсь каратэ, я человек очень нервный, а восточная философия и боевые искусства очень успокаивают, если бы не они, я бы давно был где-нибудь в Кашенко).

— **Чего вам не хватает, кроме времени?**
— Много чего. Не бытового комфорта, конечно (на это я уже плюнул по примеру отца, который не имеет даже сберегательной книжки: все деньги, которые получает, он вкладывает в работу, то есть он не миллионер, как это о нем принято говорить). Тепла человеческого — хотя сложно этого требовать. Спокойствия. Я ведь, кроме всего прочего, редактирую журнал «Новый хэм» (сокращение от «хэви метал») — неформальный журнал, у которого даже в период гласности нет типографии.

— **Как относитесь к браку?**
— Я, конечно, хотел бы жить с любимым человеком. Я не за свободный брак — но сейчас должна быть новая форма брака, человек должен быть свободен. Я встречаю своих женатых ровесников — они сыты и хорошо получают, но это другие, солидные люди: раньше у них горели глаза, а сейчас потухли. Дети, быт заедают. Поэтому и мои родители развелись: двум творческим людям сложно жить в одной семье. Когда я влюбляюсь, меня тоже иногда посещает мысль свить гнездышко... Но, к счастью, или к сожалению, это бывает недолго. Наверное, я не создан для нормальной семьи: я независим — извлечь из этого пользу.

Чего всегда не хватает в людях — порядочности, верности. Я не говорю об интеллекте. Каждый находится в своей кожуре, каждый боится сказать нежное слово — отношения получаются не зверские, но звериные. Это похоже на какую-то игру, и это бывает весело — но не хватает, как это ни банально, нежности, доброты в старых женских традициях — в смысле сострадания, возможности вместе пойти на край света.

— **Один мой друг, работавший одно время в Доме моды манекенщиком, рассказывал о том, что не смог долго здесь находиться: я знал красивых мужчин и женщин, говорит он, от которых просто пахнет пороком...**

— Красота всегда становится объектом купли-продажи, и чем больше человеку дано от природы — не во внутреннем плане, а во внешнем, не интеллектуально, а физически, — тем больше человек старается извлечь из этого пользу.

С другой стороны — мир актрис представляется нам порочным, или мир аэробики — порнографией... Человеку от сохи, который попал в наш мир, трудно будет ужиться в нем.

Приходит к нам девочка, над которой всю жизнь издевались: долговязая, дылда — а здесь из нее делают манекенщицу, учат ходить, делают осанку. Потом — цветы успеха, внимание — зарубежные поездки, где толстые кошечки к ней подкатывают, — она вступает в другой мир — понимает, что она звезда — звездная болезнь — падение — больше не может у нас работать. У нас стерильный подход.

Многие манекенщицы наши остались на Западе — как фотомодели, или в публичных домах, или повыходили замуж за богатых любителей экзотики. На Западе манекенщица — одна из престижных профессий, высокооплачиваемых, многие отпрыски аристократических семей работают манекенщицами или фотомоделями. У нас же это — синоним проституток, гомосексуалиста и т. д. — недостаток культуры, воспитания.

Но, конечно, здесь, как в криминогенной зоне, порок скапливается — потому что к молодости и красоте всегда тянутся грязные руки, которые могут ее испачкать.

Анна ЛЕОНТЬЕВА.
Фото Евгения АМАНОВА.

ЗАЙЦЕВ, СЫН ЗАЙЦЕВА

а, может, потому, что боюсь сытости. Мое пристрастие — музыка. В период Черненко, когда рок-музыка была чем-то запрещенным, я работал со многими рок-музыкантами, наш мир был — квартирные сэйшны, «обрубание хвостов», попадание в милицию. Многих сегодняшних рок-звезд я знал по квартирам, и мне обидно, когда люди становятся конформистами, продаются со всеми потрохами...

...И я, и отец, и мать учились в текстильном институте на факультете прикладного искусства. Те модели 20-летней давности, на которых нас там учили... Теоретики! Мода — это практика. Не словоблудие, — а действие, творчество.

Мама после окончания работала в цирке, делала костюмы и всю сценографию. Многие программы с ее работами показались по всему миру, — а она почти нигде не была. Художник — неблагодарная работа. Отец — исключение из правила. Сейчас, правда, художнику легче, чем было отцу, четверть века назад, когда никуда не пускали и все пробивалось со скандалами.

— **Если бы у вас была возможность уехать — как бы вы отнеслись к ней?**

— Никак. Был миллион таких возможностей. На 5-й день пребывания за границей на меня нападает жуткая тоска. Когда не надо добиваться и кричать, когда тебе сами все приносят — это выбивает из колеи нас, тех, кто привык, что вся жизнь — борьба. Во многом, конечно, мы совершенные дикари — в том, что касается компьютерной техники, например. Зато в том, что касается борьбы за существование (прокормить, например, себя и свою семью минимальными средствами) — здесь мы значительно сильнее наших западных коллег. Красивая, экзотическая страна — импульс для творчества, но — деликатес. ТАМ я не смог бы работать — вернее, делал бы что-то совсем другое. Сытый человек неспособен к творчеству. Представляю, что у меня все хорошо (да такого быть не может!): я живу в богатой стране, я богат, у меня любимая... Я бы наслаждался жизнью, виллами, пляжами, пока не приелось... А за это время что-то потерял бы, сильно отстал. Мода — это сиюминутное искусство.

— **Каков ваш рабочий день?**

— На работе у меня административно-суетливая функция, творческая работа происходит дома. Дома с помощью музыки я создаю мир-для-себя, в котором можно работать.

Иногда мне приходится делать не свойственную мне работу. Я работал со спортсменами и с музыкантами, делал костюмы для милиции и костюмы для кладбища...

— **??**

— Открывали филиал Новодевичьего кладбища. Когда хоронят известных деятелей и показывают это по телевидению — считается, что гробовщикам лучше быть не в телогрейках с пьяными рожами, а одетыми прилично. Ну, я из них таких рожев делал — в коже, фуражках — очень красиво.

— **Часто к вам приезжают журналисты?**

— Не ко мне, а в Дом моды, потому

Егор ЗАЙЦЕВ: «То, что я делаю, — просто нетрадиционно, не совсем носимо, вне времени»

нет, только идеи плюс еще интерес к личности Вячеслава Зайцева. Журналистов очень интересуют проблемы династии — спрашивают, буду ли я наследовать империю Зайцевых — я объясняю, что империи нет, есть совместное творчество.

— **Как вы относитесь к тому, что вы — сын этого самого Зайцева? Есть ли какие-то комплексы по этому поводу?**

— Юношеские комплексы были в школе, в институте — из-за нездорового интереса к этому. Сейчас мне все равно — что бы ни говорили, лишь бы говорили. Завистников хватает, а если сам себе веришь и делаешь свое дело — на все можно наплевать. У нас отношения не отца и сына, а коллег. Я горжусь, что могу с ним вместе работать, лучшего учителя мне не

неприкаянных, заросших, с капустой в бороде, которых выставляли в Манеже и держали, как домашних животных, которых можно было всем показать; с другой стороны, партия у нас тоже — «авангард рабочего класса». В общем, мне это слово не нравится. Я не пытаюсь себя как-то обозвать. То, что я делаю, — просто нетрадиционно, не совсем носимо, вне времени.

— **Сколько вы зарабатываете?**

— Уже около года — 200 рублей. Мама сейчас не работает, у нее пенсия по здоровью. Материально я не очень обеспечен. Но, может, к лучшему.

— **А Вячеслав Зайцев?**

— 300 рублей плюс работа со спортсменами, музыкантами...

— **Много у вас свободного времени?**